

STUDIA HISTORICA

АНДРЕЙ ЮРЬЕВИЧ АНДРЕЕВ

РУССКИЕ СТУДЕНТЫ
В НЕМЕЦКИХ УНИВЕРСИТЕТАХ
XVIII – первой половины XIX века

STUDIA HISTORICA

АНДРЕЙ ЮРЬЕВИЧ АНДРЕЕВ

РУССКИЕ СТУДЕНТЫ
В НЕМЕЦКИХ УНИВЕРСИТЕТАХ
XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАК» МОСКВА 2005 ГОД

ББК 63.3(2)
А 65

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект 04-01-16133

Андреев А. Ю.

А 65 Русские студенты в немецких университетах XVIII — первой половины XIX века. — М.: Знак, 2005. — 432 с. — (Studia historica). — (Вклейки после с. 160, 320)

ISSN 1727-9968

ISBN 5-9551-0085-7

Первые студенты из России появились по крайней мере на 50 лет раньше основания первого российского университета и учились за рубежом, прежде всего в Германии. Об их учебе там, последующей судьбе, вкладе в русскую науку и культуру рассказывает эта книга, написанная на основе широкого круга источников, многие из которых впервые вводятся в научный оборот. Подробно описаны ученая среда немецких университетов XVIII — первой половины XIX в. и ее взаимосвязи с Россией. Автор уделяет внимание как выдающимся русским общественным и государственным деятелям, учившимся в немецких университетах, так и прежде мало изученным представителям русского студенчества. В книге приводятся исчерпывающие статистические сведения о русских студентах в Германии, а также их биобиблиографический указатель.

Для историков, преподавателей, студентов и широкого круга читателей.

ББК 63.3(2)

Андрей Юрьевич Андреев

РУССКИЕ СТУДЕНТЫ В НЕМЕЦКИХ УНИВЕРСИТЕТАХ
XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Издатель А. Кошелев

Оригинал-макет подготовлен В. Гусевым. Корректоры: М. Тимофеева, Е. Зуевская.

Художественное оформление переплета Ю. Саевича и О. Максимовой.

Подписано в печать 06.04.2005. Формат 70 × 100^{1/16}. Бумага офсетная № 1, печать офсетная.

Усл. печ. л. 34,83. Тираж 700 экз. Заказ № 5112.

Издательство «Знак». Юр. адрес: 107078, Москва, Мясницкий проезд, д. 2/1.

Phone: 207-86-93 Fax: 246-20-20 (для аб. М153). E-mail: Lrc@comtv.ru Site: <http://www.lrc-press.ru>

Отпечатано с готовых диапозитивов на ФГУП ордена «Знак Почета»

Смоленская областная типография им. В. И. Смирнова.

214000, г. Смоленск, проспект им. Ю. Гагарина, 2.

ISBN 5-9551-0085-7

© А. Ю. Андреев, 2005

© Знак, 2005

Электронная версия данного издания является собственностью издательства,
и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	7
Источники, историография и методы исследования	9
Статистика посещаемости русскими студентами немецких университетов в XVIII — первой половине XIX в.	37
Глава 1. Университетская Германия	59
Университеты Священной Римской империи	59
Эпоха Просвещения и «модернизация» немецких университетов.....	71
«Гумбольдтовский университет»	81
Глава 2. Первые русские студенты	96
Далекое начало	96
Немецкие университеты и Россия на рубеже XVII—XVIII вв.	108
Петровские студенты	121
Государственная польза.....	126
Глава 3. От Марбурга до Кёнигсберга	136
Ломоносов	136
Академические командировки	154
Киевскими шляхами	161
Кёнигсбергский университет в годы Семилетней войны	172
Глава 4. «Золотая пора»	182
Лейпциг	182
Лейден.....	208
Страсбург	219
Гёттинген	229
Peregrinatio academica	242
Глава 5. К идеалам немецкой науки	254
«Гёттингенская душа»	254
Эпоха запретов немецких университетов	281

Берлинский университет и подготовка российской профессуры.....	287
Писатели и философы	318
Русские ученые в университетах центральной и южной Германии	338
Заключение	350
<i>Приложение 1.</i> Русские студенты в матрикулах немецких университетов. 1698—1849 гг.	352
<i>Приложение 2.</i> Биобиблиографический указатель русских студентов в немецких университетах XVIII — первой половины XIX вв.	388
Указатель имен	424

ВВЕДЕНИЕ

История русского студенчества насчитывает сейчас уже по меньшей мере 300 лет. Правда, иногда его возникновение относят еще к тем легендарным восемнадцати юношам, которых послал учиться в Европу Борис Годунов, а некоторым историкам даже удается обнаружить следы русских студентов в средневековой Европе. Однако уверенно говорить о первых уроженцах России, прошедших обучение в университетах, можно лишь с начала петровской эпохи, т. е. с рубежа XVII—XVIII веков. Это значит, что русские студенты появились на полвека раньше создания первого полноценного университета в России — Московского университета — и на сто лет опередили возникновение собственно системы университетского образования в России, относящееся в начале XIX в. и знаменовавшее признание этого образования русским обществом и включение его в систему государственных приоритетов.

Какое значение для развития высшего образования в России имели поездки русских студентов за рубеж? Что нового вносили в общественную жизнь люди, приобретающие знания в европейских университетах? Как менялись цели и задачи получения высшего образования за границей в течение XVIII и XIX веков? Важность этих вопросов подчеркивается тем, что и сама «идея университета» приходит в Россию из Европы, а, следовательно, во многом именно через побывавших там русских студентов общество узнавало, что такое университеты и зачем в них нужно учиться. Немалый вклад в этот процесс внесло и государство, которое уже со времен Петра I ставило целью привить России ценности высшего образования в его европейском понимании. В результате, со второй половины XVIII в. университетский круг наук постепенно становился элементом воспитания просвещенного дворянства, а зарубежные, прежде всего немецкие университеты рассматривались как место обучения собственных кадров для русской науки.

Все это подготавливало почву для строительства собственной системы высшего образования. Но и после ее утверждения в ходе университетских реформ в России в начале царствования Александра I немецкие университеты сохранили для нее свое значение эталона научного знания, на основе которого шло «усовершенствование» отечественных ученых и обеспечи-

валось включение России в единое научное пространство Европы. Так, от первых знакомств с высшей школой до научных командировок будущей профессуры менялся в течение XVIII — первой половины XIX века облик русских студентов в Германии. Объединяло же их общее положение странствующих по чужой стране искателей наук. *Amore scientiae facti exules* — «от любви к учености сделавшиеся изгнанниками» — так называли себя еще в средневековые времена университетские магистры и студенты. Частью этого европейского братства становились и русские юноши, рассказ об учебе и дальнейшей судьбе которых служит темой данной книги.

Историография изучения русских студентов в Германии имела до сих пор один существенный недостаток: поставленные проблемы в ней решались на конкретных примерах, набор которых был узок и в конечном итоге определялся теми «стереотипами», которые закрепились в науке в отношении данной темы. Так, говоря о XVIII веке, всегда вспоминали Ломоносова и Радищева, о первой половине XIX века — Грановского. При всей важности этих отдельных примеров (которым и в нашей книге будет уделено достаточно места) требуется, однако, понять, насколько правильно они отражают общую картину. А для этого необходимы сводные работы, которые бы, во-первых, полностью учитывали всех русских студентов, учившихся в немецких университетах в рассматриваемый период, и могли бы в целом анализировать общие характеристики всей совокупности студентов (социальный состав, распределение по университетам, хронологическую динамику поездок, выделяющую периоды с наибольшей и наименьшей их интенсивностью, предпочтительные направления учебы, частоту смены университета и возможность «блужданий» между ними и т. д.); во-вторых, могли выделять в каждой отдельной поездке те черты, которые делают ее важной с точки зрения понимания процессов усвоения и развития высшего образования в России. К таким чертам относится, с одной стороны, роль государства в организации этих поездок, а с другой — возникающий в ответ общественный отклик, отражающий тягу различных социальных слоев к получению университетского образования.

Предлагаемая читателю книга содержит оба названных подхода. Приводимые в ней статистические сведения основаны на собранном массиве данных, при составлении которого ставилась задача включить в него по возможности всех русских студентов, поступавших в немецкие университеты с конца XVII века до 1849 г. Прделанные статистические расчеты служат затем отправным пунктом для развернутого исторического анализа, раскрытия индивидуальных исторических черт, проявившихся в ходе обучения русских студентов за границей, которое рассматривается на протяжении полутора веков как единый процесс, где люди и события выде-

ляются не на основании случайных примеров, но исходя из всего объема данных в целом.

Такое обобщающее исследование сопровождается сбором биографических сведений о многих русских студентах, учившихся в немецких университетах XVIII — первой половины XIX века. Часть этого биографического материала использована непосредственно в основном тексте книги, а для облегчения пользования им и систематизации был подготовлен биобиблиографический указатель русских студентов, помещенный в Приложении 2. В Приложении 1 представлены все исходные данные о студентах, почерпнутые из университетских матрикул. Автор, конечно, не осмеливается утверждать, что им составлены списки абсолютно всех русских студентов за данный период (учитывая методические трудности, о которых речь пойдет ниже, это было бы исторически некорректно), однако надеется, что проведенная работа придаст, наконец, исследованиям столь важной и актуальной для истории российского высшего образования темы необходимую полноту и законченность.

Автор выражает глубокую благодарность всем своим коллегам как с немецкой, так и с российской стороны, дискуссии с которыми значительно способствовали успешной работе над данной книгой, и в особенности признателен проф. Манфреду Хильдермайеру (Гёттинген), проф. Юргену Шлюмбу (Гёттинген), проф. Труде Маурер (Гёттинген), проф. Рудигеру фон Бруху (Берлин), проф. Петеру Мораву (Гиссен), проф. Владимиру Береловичу (Женева), проф. Л. П. Лаптевой (Москва), д. ф. н. Н. И. Кузнецовой (Москва), д. и. н. Н. Л. Пушкаревой (Москва), д. и. н. А. Е. Иванову (Москва), д. и. н. Ф. А. Петрову (Москва), докт. Марии-Луизе Ботт (Берлин), докт. Наталии Тихоноф (Женева), докт. Хартмуту Петеру (Галле), докт. Иенсу Блехеру (Лейпциг), к. и. н. Д. А. Александрову (Санкт-Петербург), к. и. н. В. Г. Безрогову (Москва), к. и. н. И. П. Кулаковой (Москва). Исследовательская работа над темой осуществлялась при поддержке Фонда Спенсера (программа «Социальные исследования высшего образования в России») и Gerda-Henkel-Stiftung (ФРГ).

Источники, историография и методы исследования

Проблемы изучения русского студенчества за границей и, в особенности, в Германии как в стране, имевшей наиболее долговременные и устойчивые научные связи с Россией, неоднократно привлекали внимание исследователей¹. Тем не менее, считать эту тему исчерпанной даже на ка-

¹ Обзор общих тем и подходов в изучении русских студентов за рубежом см.: Иванов А. Е. Русское академическое зарубежье XVIII — начала XX века (к поста-

ком-либо определенном хронологическом отрезке пока нельзя. И это не случайно: оказывается, что на пути любой обобщающей работы по русскому студенчеству за границей встает ряд методических трудностей, не имеющих какого-либо единого, универсального решения, но при этом весьма актуальных для понимания проблем истории российского и европейского высшего образования в целом.

Данная книга ставит целью, во-первых, нарисовать социальный портрет русских студентов в немецких университетах XVIII — первой половины XIX века, во-вторых, рассмотреть влияние немецких университетов на развитие образования и культуры в России через посредство тех идей, знаний и представлений, которые получали там русские студенты и переносили затем в сознание русского общества, способствуя становлению отечественного высшего образования и науки в целом. Это, в свою очередь, ведет к анализу и более широких вопросов: каким образом в русском обществе менялось отношение к университетскому образованию, как развивалась и усваивалась в России университетская идея и какое влияние это в конечном итоге оказало на общественную жизнь.

Хронологически работа охватывает период с начала возникновения регулярных поездок русских студентов в немецкие университеты, которое падает на самый конец XVII века, до 1849 г. Верхняя дата, естественно, не просто соответствует завершению первой половины XIX в., но, одновременно, и разгару революционных событий в Германии, открывших новую эпоху в ее истории, а также наступлению «мрачного семилетия» в связи с резким ужесточением политики самодержавия в России. Все это привело к прекращению образовательных поездок в немецкие университеты. Формальный запрет на осуществление таких поездок по Министерству народного просвещения был издан С. С. Уваровым весной 1848 г., однако немногие студенты, видимо из тех, что уже находились в тот момент в Европе, еще поступали в немецкие университеты в течение 1848—1849 гг., и лишь к 1850 г. их количество падает до нуля.

Для истории российской высшей школы период XVIII — первой половины XIX в. характеризуется тем, что в это время происходил процесс постепенного осознания русским обществом ценности и необходимости университетского образования, завершившийся складыванием системы российских университетов². Этот процесс начался с петровских реформ,

новке научной проблемы) // Источники по истории адаптации российских эмигрантов в XIX—XX вв. М., 1997.

² Современный взгляд на проблемы складывания системы российских университетов см. в обобщающем труде: *Петров Ф. А.* Формирование системы университетского образования в России. Т. 1—4. М., 2003.

которые среди многого иного принесли в русскую жизнь представление об университете как о таком образовательном учреждении, которое способно влиять на развитие общества и государства (говоря утилитарным петровским языком, «приносить пользу»). Однако привлекательность университетской учебы для большей части общества первоначально казалась весьма спорной, как низок был и социальный статус науки в XVIII в., и лишь под влиянием государственной политики общественное отношение к университетам постепенно эволюционировало в лучшую сторону. В начале XIX века, после проведения университетских реформ возник, наконец, костяк российской системы университетов, которая по окончании Отечественной войны, на волне патриотического подъема начала быстро наполняться слушателями, т. е. процесс включения университетов в систему общественных приоритетов завершился. При этом, хотя успех или неуспех развития университетского образования в России определялся в большой степени его поддержкой со стороны дворянства, тем интереснее будет потом отметить (и не только на примере Ломоносова!), что и другие общественные слои уже в XVIII веке выказывали социальную мобильность и тягу к научным знаниям.

С точки зрения истории немецких университетов, обзор ключевых проблем которой будет представлен в главе 1, границы периода XVIII — первой половины XIX века соответствуют переходу от «доклассического» к «классическому» типу немецкого университета³. Большая часть периода относится к эпохе немецкого Просвещения, которая оказала существенное влияние на образование в целом и на развитие университетов в частности. Конец этой эпохи, падающий на время наполеоновских войн, завершает т. н. «доклассический» период университетской истории Германии. В этот рубежный момент были сформулированы принципы, легшие в основу «классического» немецкого университета, с которыми он вступил как ведущее учебное и научное учреждение в XIX и XX века⁴. В 1810 году по плану прусского министра и просветителя Вильгельма фон Гумбольдта открылся знаменитый Берлинский университет. Именно его основание оказало огромное влияние на последующий этап развития

³ Развернутую периодизацию истории немецких университетов см., например, в кн.: Müller Rainer A. *Geschichte der Universität. Von mittelalterlichen Universitas zur deutschen Hochschule*. München, 1990.

⁴ Понятие о «классическом немецком университете», его связи с идеями В. фон Гумбольдта и международном значении до сих пор активно обсуждается и исследуется в западной историографии, см.: *Humboldt International: Der Export des deutschen Universitätsmodells im 19. und 20. Jahrhundert* / Hrsg. von Rainer Ch. Schwinges. Basel, 2001.

университетского образования в XIX веке. Поэтому студенческие поездки из России в Германию второй четверти XIX века не только были направлены, в основном, именно в Берлинский университет, но и выносили отсюда новое понимание университетского образования в единстве с научным поиском, передовые методы исследования, философски углубленное осознание ключевых проблем развития науки. Такое живое взаимодействие ученой среды России и Германии позволило подготовить новое поколение отечественных ученых, способствовало окончательному складыванию российской университетской системы.

На пути исследователя русского студенчества в указанный период стоят, однако, серьезные методические трудности. Прежде всего, сам объект исследования требует разъяснения и уточнения. Кто такие «русские студенты за границей»? Разными исследователями в него вкладывается свое содержание, варьирующееся в зависимости от исторической эпохи. Так, например, в работах по исследованию студенческих миграций в Европе начала XX века слова «русский студент» тождественно обозначают студента, приехавшего с территории Российской империи⁵. Ни о какой национальной или конфессиональной дифференциации здесь речи не идет, хотя более детальный анализ показывает, что подавляющее их большинство происходило с территории Царства Польского и по вероисповедному признаку их можно было бы отнести к полякам и евреям, так что известное несоответствие с обозначением их как «русских студентов» многократно отмечалось уже в российской прессе начала XX в.⁶ С другой стороны, в условиях стабильности границ между Россией и Европой и сложившегося в общественном сознании четкого противопоставления жителей Российской империи и прочих стран Европы такое чисто политическое деление, видимо, имело смысл. Но это вовсе не означает, что тот же принцип должен применяться и для иного периода, например, для XVIII века.

Чтобы сделать понятие «русские студенты» работоспособным для какого-то выбранного отрезка времени, исследователю необходимо определить простой и эффективный критерий, который позволил бы выбирать

⁵ Peter H. R. «Schnorrer, Verschwörer, Bombenwerfer»? Zeitgenössische Wahrnehmungsmuster und Stereotype der Betrachtung der Studenten aus Russland in der Forschung // Schnorrer, Verschwörer, Bombenwerfer? Studenten aus dem Russischen Reich an deutschen Hochschulen vor dem 1. Weltkrieg / Hrsg. von H. R. Peter. Frankfurt a/M, 2001. S. 11–32.

⁶ Peter H. R., de Boor A., Klotzsche M. Studenten aus dem Russischen Reich, der «Klinikerstreik» und die «akademische Ausländerfrage» an der Universität Halle vor dem 1. Weltkrieg // Beiträge zur Geschichte der Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg / Hrsg. von H. J. Rupierer. Halle, 2002. S. 383.

искомых студентов из их общей совокупности в немецких университетах. Можно выделить три основных вида таких критериев: политический, национальный и территориальный. Согласно политическому критерию, русскими студентами будут считаться все, кто являются подданными российского государства, как это было продемонстрировано на приведенном выше примере исследований по периоду начала XX в. Согласно национальному критерию, можно пытаться выделить в списках студентов «этнических» русских. Наконец, согласно территориальному критерию, основой для включения того или иного человека в списки «русских студентов» служит его проживание на определенной, четко обозначенной территории, не обязательно совпадающей с государственными границами Российской империи.

Если мы попытаемся применить три этих названных критерия к периоду истории России XVIII — первой половины XIX в., то увидим, что у всех них есть существенные недостатки. Наиболее очевидны они у второго критерия, поскольку он должен оперировать с понятием национальности, которое еще не использовалось на данном историческом отрезке, в особенности применительно к XVIII в. В Российской империи для самоидентификации человека вплоть до начала XX в. применялся признак вероисповедания (иными словами, поляк определялся по принадлежности к католичеству, еврей — к иудаизму, немец — к лютеранству, русский — к православию и т. д.). В источниках по студенчеству немецких университетов, о которых речь пойдет ниже, вероисповедание фиксировалось далеко не везде, да и указывать его начали весьма поздно, не раньше 10—20-х гг. XIX в., и следовательно как универсальный критерий оно использоваться не может. К тому же даже тщательные попытки применить национальный критерий к студенчеству начала XX в. (т. е. «установить» национальность, исходя из целой совокупности разных признаков, а не только одного вероисповедания) показывают всю его противоречивость⁷.

Можно было бы, конечно, для определения национальности основываться на одних только именах студентов, и, тем самым, выбрать тех из

⁷ На материале польских студентов из Пруссии такие исследования проведены В. Моликом, на материале студентов Российской империи А. де Боором — см.: *Molik W. Richtungen und Methoden der Forschung zu polnischen Studenten an deutschen Hochschulen im 19. und zu Beginn des 20. Jahrhunderts // Schnorrer, Verschwörer, Bombenwerfer?.. S. 51—70; de Boor A. Die «Nationalität» und der «Sozialstatus» russländischer Studenten in Halle. Erste Überlegungen zur Kategoriebildung aufgrund von Massendaten // Universitäten als Brücken in Europa. Studien zur Geschichte der studentischen Migration / Hrsg. von H. R. Peter, N. Tikhonov. Frankfurt a/M, 2003. S. 55—70.*

них, которые носят русские имена и фамилии. Не говоря уже о некоторой неоднозначности того, какую именно фамилию считать русской, а какую нет (классический пример такого рода — Фонвизин), при этом подходе из числа студентов выпадают представители значительной социальной группы — т. н. «российские немцы». Они были составной частью русского общества (для XVIII в. — преимущественно столичного или крупных городов), не отделявшей себя от остальных жителей России. В университетских матрикулах, как мы увидим, они, так же как и другие русские уроженцы, идентифицировали себя как *Russus* или *Peterburgensis*. Важно заметить, что среди определенных социальных слоев и профессий (например, среди врачей) именно немцы доминировали над коренными русскими, поэтому пренебрегать ими, рисуя социальный портрет русского студенчества, нельзя. Как будет показано, их место в образовательном потоке из России в Германию было и в самом деле значительным; более того, ими могли завязываться университетские контакты, которые послужат потом для поездок других уроженцев России: например, именно петербургские немцы в 40-е гг. XVIII века «проложили дорогу» в Кильский университет, который впоследствии принял к себе десятки русских юношей. Против отрыва «русских немцев» от прочих студентов из России свидетельствуют и нарративные источники. Так, из писем и дневников русских студентов в Гёттингене на рубеже XVIII—XIX в. следует, что носившие немецкие фамилии юноши из Петербурга или Москвы безусловно воспринимались в их группе как «свои». Интересно, что даже немецкие профессора видели в тех же юношах не своих бывших соотечественников, но смотрели на них именно как на представителей будущей русской науки⁸. Добавим еще, что к концу XVIII в., когда во многих семьях русских немцев подрастало третье поколение детей, родившихся в России, они, хоть и сохранив немецкие имена и фамилии, значительно «обрусели» как по собственным привычкам, так и по социальному статусу, что опять-таки препятствует их отделению от общей корпорации русских студентов.

Что касается политического критерия, то, увы, и его применение к поставленной нами задаче может значительно исказить картину, и дело здесь в подвижности границ, охватываемых этим критерием. Российская империя в XVIII — начале XIX в. быстрыми темпами расширялась на запад, за счет Прибалтики, польских и литовских земель. Так, прибалтийские земли входят в состав империи двумя этапами: в 1721 г. (Эстляндия и Лифляндия) и в 1795 г. (Курляндия, которая впрочем находилась в пря-

⁸ *Lauer R. Wilhelm von Freygang — ein Peterburger in Göttingen // Die Welt der Slaven. 1973. S. 256—258.*

мой зависимости от России уже с петровского времени). По третьему разделу Польши Россия включает в себя Литву, в ходе наполеоновских войн небольшие части уже собственно этнической Польши, что логично завершается в 1815 г. созданием в составе Российской империи Царства Польского.

Излишне говорить, что каждое такое присоединение серьезно влияло на состав студенчества из Российской империи. Более того, с каждым новым расширением территории империи в состав ее подданных вливались новые группы населения, выходцы из которых имели свои образовательные традиции, в том числе и по отношению к немецким университетам, совершенно не совпадавшие с историей студентов из центральной России. Особенно это касается остзейских студентов — эстлянцев, лифляндцев и курляндцев, поток которых в университеты Германии исчислялся тысячами. Еще десятилетия назад опыт составления единых списков студентов из Российской империи в конкретном немецком университете показал, что собственно русские студенты здесь просто теряются в массе остзейцев. Так, например, в указателе «Российские студенты в матрикулах Гёттингенского университета. 1800—1825», составленном Х. Морманном, из 450 человек 412 относятся к уроженцам Прибалтики⁹. Столь же контрастные данные приводит С. Г. Сватиков по Гейдельбергскому университету за 1803—1855 гг.: против 19 студентов из русских губерний он насчитывает 235 студентов из прибалтийских¹⁰.

Действительно, у дворянства Эстляндии, Лифляндии и Курляндии существовало давнее и устойчивое культурное тяготение к Германии. Социальный, экономический и политический уровень развития Прибалтики отличался от остальной России, поэтому, в частности, и ее отношение к университетскому образованию было иным. Уже начиная с XVII в. университеты северной и центральной Германии ощущали постоянный приток немцев из Прибалтики, который только усилился в XVIII в. Прибалтийские земли в это время были лишены собственного университета, поэтому большинство состоятельных дворянских фамилий отправляли своих сыновей учиться в Германию, не отставали в этом и бюргеры крупных балтийских городов, таких как Рига и Ревель¹¹. При этом, кроме формального подданства, с Россией этих людей почти ничего не связывало

⁹ *Mohrmann H.* Studien über russisch-deutsche Begegnungen in der Wirtschaftswissenschaft (1750—1825). Berlin, 1959. S. 120—130.

¹⁰ *Svatikov S. G.* Russische Studenten in Heidelberg / Hrsg. von E. Wischhöfer. Heidelberg, 1997. S. 12.

¹¹ *Rosenberg W.* Baltische Studenten an der Göttinger Universität // Baltische Hefte. 10 Jahrgang. Hft. 1. Hannover, 1963. S. 127—132.

(характерно, что указывая в матрикулах страну, откуда приехали, они никогда не писали название России или Российской империи, но обозначали себя как *Cuonus* или *Livonus*).

Проведенные современным историком исследования выявили основные университетские предпочтения остзейских студентов, сложившиеся уже в XVII в. и сильно отличавшиеся от тех, которые, как будет показано, характерны для студентов из русских губерний¹². Наиболее значимыми немецкими университетами для остзейцев являлись Иена (666 эстляндцев и лифляндцев, 282 курляндца за период 1711–1800 гг.), Кёнигсберг (276 эстляндцев и лифляндцев, 589 курляндцев за тот же период) и Галле (384 эстляндца и лифляндца, 92 курляндца). Эти цифры не только по абсолютной величине на порядок превосходят посещаемость русских студентов (см. ниже), но и в сравнительном отношении, например, выдвигают на первый план Иенский университет, слабо посещавшийся выходцами из центральной России (за тот же период — всего 23 студента). Напротив же, Лейденский университет, значение которого для русского студенчества XVIII в. было очень велико, что отразилось на количестве поездок туда из России (96 человек), почти не имел популярности в Прибалтике (в нем учились только 23 эстляндца и лифляндца и 7 курляндцев). Общие списки студентов — уроженцев и русских, и остзейских губерний — уравнивали бы эту разницу и привели бы к искажению картины.

Таким образом, можно прийти к выводу, что для исследования русских студентов за границей как части русского общества, претворявших в нем определенные идеи по восприятию высшего образования, этих студентов необходимо рассматривать отдельно от их остзейских соседей, что, тем самым, перечеркивает возможность использования политического критерия. Другой корпорацией студентов, имевшей свою давнюю историю, были уроженцы польско-литовских губерний. Для них, хотя и в меньших масштабах, можно повторить все сказанное выше относительно остзейцев. В течение XVII–XVIII вв. на территории западной Белоруссии и Литвы активно действовали иезуитские школы и академии, заложившие здесь определенные образовательные традиции. Так, с большими группами выходцев из Вильно, Гродно, Кейданов (чьи студенты обозначали себя как *Lithuanus* или *Lithuano-Polonus*) мы встречаемся в матрику-

¹² *Tering A. Die Est-, Liv- und Kurländischen Studenten auf den europäischen Universitäten im 17.ten und 18.ten Jahrhundert // Stadt und Literatur im deutschen Sprachraum der Frühen Neuzeit. Bd. 2. Tübingen, 1990. S. 842–872; Tering A. Baltische Studenten an europäischen Universitäten im 18.ten Jahrhundert // Aufklärung in den baltischen Provinzen Rußlands / Hrsg. von O. H. Elias. Köln; Weimar; Wien, 1996. S. 125–154.*

лах немецких университетов уже с начала XVIII в.¹³ Автоматическое включение уроженцев этих территорий в состав русского студенчества с 1795 г. (не говоря уже о территориях Царства Польского с 1815 г.) также привело бы к неправильной картине общего распределения русских студентов по университетам.

Итак, из приведенных возражений против двух вышеназванных критериев вырисовывается единственно возможным применение для выявления русских студентов XVIII — первой половины XIX в. территориального критерия. Оно, конечно, также не лишено недостатков. Данный критерий предполагает, что в каждом случае нам точно известно место рождения студента, которое можно нанести на карту и сопоставить его с обусловленной заранее территорией. К сожалению, это не так: хотя в матрикулах часто (а в XIX в. почти всегда) указывалось место рождения, но столь же часто оно заменялось на обобщенное указание страны, которое для России звучало как *Russus*, *Rossius*, *Moscovitus* и проч. (подробнее см. ниже). В таком случае студенты включались в наши списки, следуя уже высказанному соображению о том, что остзейские студенты никогда не обозначали себя как *Russus*, а для уроженцев Литвы и западной Белоруссии употребительным (вплоть до XIX в.) было обозначение *Lithuapus*. Таким образом, принятое допущение состояло в том, что прилагательное *Russus* однозначно указывало на уроженца центральных российских (или малороссийских) губерний.

С другой стороны, столь же однозначное отсечение всех студентов, которые в графе «место рождения» называли себя *Livonus*, *Livländer* и т. д., имеет тот недостаток, что, тем самым, мы лишаем себя сведений о людях, которые, хотя и родились в Прибалтике, но, окончив один из немецких университетов, в дальнейшем служили при российском дворе, жили в Москве или Петербурге и внесли вклад в общественную и государственную жизнь России. Количество таких людей, впрочем, в абсолютном отношении не может быть очень велико (хотя среди них, безусловно, были фигуры, сыгравшие серьезную роль в русской истории). Современные историки характеризуют прибалтийское дворянство в целом, вплоть до конца XIX в., как «узкую касту», нацеленную на сохранение своих позиций в регионе и сопротивлявшуюся процессам ее интеграции в состав империи¹⁴.

¹³ *Oljančyn D.* Aus Kultur- und Geistleben der Ukraine. Schule und Bildung. Anhang Reussische-ukrainische Studenten im Abendlande (Verzeichnisse aus dem 16. bis 18. Jahrhundert) // *Kyrios. Vierteljahresschrift für Kirchen- und Geistesgeschichte Osteuropas.* Bd. 2. Königsberg; Berlin, 1937. S. 265–278, 350–366.

¹⁴ См.: *Whelan Heide W.* Adapting to Modernity: Family, Caste and Capitalism among the Baltic German Nobility. Köln, 1999.

В то же время подчеркнем еще раз, что неизбежная потеря информации является оборотной стороной освобождения от тысяч прибалтийских студентов, не имевших ничего общего с русской историей, которые в противном случае куда в большей мере исказили бы итоговый результат. К этому добавим, что сам выбор университета, совершаемый на этапе воспитания молодого человека его семьей или ближайшим окружением, предшествует последующей карьере, и поэтому даже если уроженец Прибалтики связал свою дальнейшую судьбу с Россией, его занятия в немецком университете все еще отражали характерные предпочтения именно остзейского дворянства.

Итак, территория, выходцы из которой в данном исследовании рассматривались как «русские студенты», совпадает с территорией Российской империи, из которой выключены прибалтийские (Эстляндия, Лифляндия и Курляндия), литовские (Виленская, Ковенская и Гродненская) губернии и Царство Польское. При более осторожном подходе, возможно, следовало бы исключить и другие бывшие территории Речи Посполитой, чьих выходцев можно было бы «интуитивно» (например, по фамилии?) счесть скорее как «польских», нежели как «русских» студентов. Однако уроженцев Минской губернии, Подолии, Волыни (как, впрочем, и вообще студентов, происходивших с территорий правобережной Украины и Белоруссии) нами было обнаружено в немецких университетах конца XVIII — первой половины XIX вв. так мало (из Минской губернии — 5 студентов, из Подолии — 7, из Волыни — 4), что решено было присоединить их к общим спискам. Основное же ядро территорий, откуда исследуемые нами студенты ехали в немецкие университеты, составили центральные российские города и губернии, а также левобережная Украина (Малороссия) вместе с Киевом (см. подробнее в статистическом обзоре).

* * *

Переходя к характеристике источников данного исследования, нужно зафиксировать два различных подхода, которые допускает здесь построение источниковой базы. На вопрос, а где вообще могли остаться следы пребывания русских студентов в немецких университетах указанного периода, возможны два ответа — или в источниках российского происхождения или в самих немецких университетах. Первый путь поиска предусматривает выявление фондов в российских архивах, где хранятся документы, связанные с учебой русских юношей за границей. Это архивы научных учреждений: Петербургской академии наук, университетов (хотя, к сожалению, архив Московского университета до 1813 г. практически